

**В ТРИ ЧАСА** ночи по Бельсей безлюдной Москве гнал с горящими фарами «Икарус», а вокруг него роились хулиганская кавалькада авто, рассыпаясь, собираясь вновь, подныривая, уходя вперед и поджидая на повороте. Как будто балет на льду решил слогонца, для удовольствия пробежать дистанцию.

Уходи с дороги, птица, зверь, с дороги уходи! Окончаны пятые «Задворки», испарилась, сминули с третьими петухами. Расслабленная аристократия в приподнятом равнополюжении духа, как в романах Агаты Кристи, держит путь к морвокзалу, чтоб

слепок, рентген». Это он Абдулова имел в виду.

**ЧТО ЖЕ** в ней было, в голове бессменного распорядителя июньских благотворительных балов на заездах «Ленкома», закрывающих столичный фрэнчый сезон и дающих звонок для перемены на юга?

Неоновые звезды. Розы по пояс, крыша с сидячими местами и разноцветное табло, безучастно отсчитывающие новые поступления на памятник детям, которых убили взрослые. Памятник, аналогов которому нет в мире, — сверялись по компьютеру.

Ельцин. Наш российский

ский угол. Символ российской государственности упал на крышу театра, наваявая дурные предчувствия, однако горелка долго еще освещала двор горячим Данкиным сердцем.

Марк Рудинштейн в модном капитанском сюртуке отщипнул от Бюджета своей фирмы «Отброскозьев» триста тысяч рублей — они и стали базовым взносом. Семь специально изготовленных экземпляров водки «Абдуловак» пошли с молотка по сто, сто пятьдесят долларов, десять тысяч рваных и т. д. «Во алкоголики!» — удивился, собирая деньги, аукционер Николай Кара-

— молоток, которым это все обстуживалось. Тогда еще стало ясно: на «Гура» здесь идут эксклюзивные безделючки, а не товары для дома. Дом у гостей «Задворок» и без того полная чаша. Слово в подтверждение этих слов с аукциона были сняты шубы по 8 тысяч — желающих не нашлось.

**МУЗЫКАНТЫ** были столь же неоднородны, как и все остальные. Конечно, Газманов приходит тогда, когда умирают Цои. Конечно, рок протеста отдает концы вместе с агонизирующей коммунистической идеей. Только встречная идея превала некогда лучших — а

# ЧТО У САШКИ В ГОЛОВЕ

Александру Абдулову — церемониймейстеру «Задворок», который боялся дождя

«Задворки» начались как мажорсубойчки. Собирались во дворе под открытым небом друзья «Ленкома» — последние полтора, ушедшие. Уже на следующее утро вечер стал благотворительным — деньги пошли на счет детского дома. Третьи и четвертые «Задворки» превращались средства на реставрацию соседнего храма Рождества

отдохнуть на острове от бессонной ночи.

Прошел с полуцирковыми успехами пятый благотворительный сход на заездах «Ленкома». Играли с вечера тамбурины, гарцевала на белых конях победителей нанятая конная милиция — мятникком у подыезде, «два шага налево, два шага направо». На внутреннем дворе шыгали Конобенин и Пьеро, гуляли говорящие лошади, сущились в закате раскладные брезентовые стульчики. Поодаль мерзла, но не сдавалась живая девушка с велосипедом, качались гроздья шариков, и очень жалко, что не было павлинов. На подлуме у массивной скульптуры жутких свиных чубов стояли пластмассовые станички с шампанским и бутерброды — будто поминальные. Пусть земля вам будет пылью, дураки и нехорошие люди. Как пели арбатские, «нехороших людей» уже скушались серые волки, а следы тех волков замело еще в прошлом году». В этом дрались на саблах славяне-явтики, вылезал над широкой чернотой Петрушка, злой запах шашлыка витал над резавицами кришнатми-вегетарианцами, и казалось, что все собирается на юбилей Сергея Соловьева, иллюстрирующего постмодернистское смещение традиций, стилей и языков. Сам Соловьев уверял, что весь этот замученный дворовый мирок, в пятый раз доверившийся открытому небу и в пятый раз встреченный небом благосклонно; ищет свет, огни и действительность — это и есть Саша, кто у Сашки в голове, точный

Вилли Старк, триумфатор, безоговорочно победивший в отчаянной, азартной, первой в истории честной предвыборной драке, был зван и ждан, но не появился. Понятное дело — нужно отдохнуть да выспаться. Ждут великие дела. Сергей Станкоуш, полпред его от лица верхушки демократической администрации, произнес поистине избранную речь (такие потом публикуют). «Я думаю, нам рано расставаться с комсомолом, по крайней мере с элитной частью, сосредоточенной в театре «Ленкома», — сказал он (браво, Сергей Борисович! Насчет элитной части — мы с тою же мнением). — Остальные разбегались и продают в перерывах цветы и эротические журналы литературу. А эта элита выплывает слово, когда данное не оно; что вот когда-нибудь мы окажемся в веселом месте, где всем радуют. Мы шли, шли и наконец пришли — мы на «Задворки». Я рад поздравить первое задворкинское собрание с пятилетним юбилеем».

Слова его прерывались храпом горелки; перед благотворительным собранием возбуд шар цвета «бесик» — бело-сине-красного русского триколора. Шар был в голове Александра Гавриловича пережитком съемок в только что законченной картине Соловьева «Дом под звездным небом», финальной части триптиста о Родине и роде. Люки ветры Малой Дмитровки не считаются со здравиями в адрес первого председателя, передал шар со всеми людьми в погонах его, как парашют, во «Ленкомов-

ства Богородицы в Путинках (он заезнил в октябре). Сбор юбилейных, пятых «Задворок», прошедших в ночь на понедельник, поступил на пятнадцать маленьких умных детей, которых предлагалось назвать Независимому (счет 60142 в Свердловском отделении Мосбизнесбанка с припиской «На памятник»).

«Богатые люди — особые люди», — сказал Скотт Фицджеральд Хемингуэю (это произошло хоть и не на «Задворках» но в не менее обеспеченном обществе; позже золотые слова вошли в фильм «Асса»). «Точно, Скотти», — ответил тогда немного датый Хемингуэй. — Они богаче других». Благотворительный характер белых задворковых ночей определял и советев гостей: высвеченный проекторами партнер заполнил преимущественно чемпионы второго сословия — коммерсанты с дамами, промышленники с дамами, как утверждал, немного мафии-рэкета — куда без них. Понятно, двадцать пять рублей за билет были для них всего лишь государственной: людей, которых не смутит эта сумма, сейчас в Москве гораздо больше, чем может вместить двор «Ленкома». Для московского бомонда визит на «Задворки» стал показателем пруславления. Пропустить сбор клуба — нет, это невозможно!

**ХАЗАНОВ** возник в час ночи на спаде интереса, и первую интермедию ему пришлось переждать себя-пяти. Но фразы: «Вы что, пацлы, помолчать не можете?» — была так мастерски — тембром и интонационно — вписана в монолог, что пацлы даже не сразу поняли, к кому это.

В прошлом году аналогичную ситуацию выткнул конферансье Абдулов. Он хохотал с Вознесенского галстук и спустил его с торгов за 25 тысяч. Потом за 10 тысяч арродат тарелку, на которой галстук лежал, и за 30 тысяч

смены им нет. «Ветераны сцены» снова показали, кто в лесу хозяин, слышанными сотни раз песнями боя и бури прорезав половый молотьяк влет. «Балладой об уставшем карауле» подтвердил квалификацию рок-стайер Александр Градский. Шелк кандибобером Швачук вместе со своим скрипачом. Подгородный орал: «Ща как разденуся, как рукава закум!» — и гулял по сцене «динозавриком» под «Героев авершихих дней».

**О** Абдулов не уложился в абдуловской голове: Макаревич не захотел петь перед ним. Это было позарез необходимо Сергею Шолохову, занимающему строительством своего «Тихого дома» — но Андрея, как утверждают друзья, охладила к этой песне пародия «Альфы»: что не гаснет в доме свет, не меркнет твой курчавый силуэт, жаль, что ты море сменил на пруд, зато там кареси клоуют и т. д. Увлеченная народной мудростью: «Гребень все сделает наоборот, а Макара податлив», съемочная группа во главе с «огоньковской» Настей Ниточкой две минуты вкандировала: «Андрей, про дом!» — но ничего не вышло. Все хором спели «Поворот» и расканялись. А наутро, завершив карликовый кризис по Москве-реке, Абдулов с Рудинштейном вышли на широкий утес, со словами «И!» — развля взмахнули крыльями и улетели в Ялту. За ними потянулись оставшая клин.

Подмосковный сезон тихих перетек в пляжный. Денис ГОРЕЛОВ.